

Татьяна Алексеевна Дьякова

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и литературы, Луганск, Россия
e-mail: diako122@rambler.ru

Идиолект Михаила Матусовского: к характеристике художественно-изобразительных средств поэтических текстов

Аннотация. В статье проведен анализ общих теоретических изысканий, посвященных проблемам создания художественно-изобразительных средств. Рассмотрены различные точки зрения на сами понятия фигур речи, тропов, принципы их классификации. Особое внимание уделено метафоре как тропу, наиболее часто используемому поэтом. Материалом исследования послужили поэтические произведения М. Матусовского разных лет. Выделены типы метафоры по ее грамматическому оформлению: именные (генитивные и адъективные) и глагольные. Проанализированы сложные метафоры, названные полиструктурными. Олицетворения как художественно-изобразительные средства разграничены в зависимости от объектов персонификации. Рассмотрено развернутое олицетворение, на основании которого строится изображение целостной картины. Исследованы восемь групп метонимических оборотов, в числе которых метонимия, основанная на «ситуативной номинации». Как разновидность метонимии проанализирована синекдоха, представленная четырьмя формами выражения.

Ключевые слова: текст, художественно-изобразительные средства, троп, метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха.

Tatiana A. Diakova

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Russian Language and Literature Department, Lugansk, Russia
e-mail: diako122@rambler.ru

The Idiolect of Mikhail Matusovsky: On the Characterization of Figurative Artistic Means of Poetic Texts

Abstract. The article analyses the general theoretical research devoted to the problems of creating figurative artistic means. Various points of view on the concepts of figures of speech, tropes, and the principles of their classification are considered. Special attention is paid to metaphor as the trope most often used by the poet. The research material was the poetic works of M. Matusovsky from different years. The types of metaphor according to its grammatical design were distinguished: nominal (genitive and adjectival) and verbal. Complex metaphors called polystructural were analysed. Personifications as artistic and visual means are differentiated depending on the objects of personification. The detailed personification was considered, on the basis of which the image of the whole picture was constructed. Eight groups of metonymic phrases were studied, including metonymy based on "situational nomination". Synecdoche, represented by four forms of expression, was analysed as a kind of metonymy.

Keywords: text, figurative artistic means, trope, metaphor, personification, metonymy, synecdoche.

Введение (Introduction)

Идиолект писателя — сложная система разноплановых языковых средств, представляющая научный интерес для лингвистических исследований. Идиолектом исследователи называют «совокупность фонетических, грамматических, лексических, стилистических особенностей речи носителя языка» [1, с. 115]. В. А. Виноградов считает идиолектом «специфические речевые особенности данного носителя языка» и находит изучение его актуальным прежде всего в поэтике, где основное внимание

уделяется соотношению общих и индивидуальных характеристик речи (стиля) [2, с. 144]. По мнению В. П. Григорьева, говоря о художественном или поэтическом идиолекте в современной поэтике, имеют в виду важнейшую составляющую индивидуального стиля, т. е. идиостиля [3]. Специфичность идиолекта как единицы стилистики художественного текста Т. В. Матвеева видит в «отборе и предпочтении языковых единиц, избранном использовании их сочетательных и композиционных возможностей, творческих речевых действиях» [4, с. 119].

© Дьякова Т. А., 2023

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2023, № 4 (41), с. 92–98.
Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2023, no. 4 (41), pp. 92–98.

Один из значимых компонентов идиолекта писателя — использование им в произведениях художественно-выразительных средств.

Методы (Methods)

В процессе исследования стихотворных текстов, способов создания и функционирования художественно-выразительных средств поэзии М. Матусовского использовались методы контекстологического, системного подхода, анализа и синтеза, обобщения, описания.

За основу толкования тропа в нашей работе принимаем наиболее универсальное, на наш взгляд, определение, предложенное С. И. Кормиловым, считающим тропом «употребление слов в переносном значении, призванное усилить образность поэтического и вообще художественного языка» [5, стб. 1099]. Считаем необходимым уточнить: говоря о тропах, использованных в произведениях М. Матусовского, к ним будем относить метафору, метонимию, синекдоху, персонификацию (олицетворение), эпитет, сравнение, эвфемизм, перифраз.

Цель работы — изучить художественно-изобразительные средства идиолекта Михаила Матусовского (на примере отдельных тропов). Объект исследования — тропы как средства создания образности, предмет — особенности создания и функционирования художественно-изобразительных средств в поэзии М. Матусовского. Материалом исследования послужили тексты поэтических произведений писателя, включенные в «Избранные произведения в двух томах. Том 1» [Т. 1]. При цитировании в работе сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию. Учитывая регламент публикации, мы остановимся лишь на отдельных тропах (метафора, олицетворение, метонимия, синекдоха) и наиболее показательном иллюстративном материале.

Литературный обзор (Literature Review)

К художественно-изобразительным средствам принято относить тропы и фигуры речи, истоки изучения которых восходят к античной философии и риторике. Научные изыскания продолжаются в течение многих столетий, однако вопросы разграничения тропов и фигур речи остаются дискуссионными и в наше время. Не существует единого мнения среди исследователей относительно того, что считать тропами, а какие изобразительные средства относить к стилистическим фигурам.

К стилистическим фигурам ученые относят любые обороты речи, отступающие от некоторой нормы разговорной речи; различают фигуры мысли и фигуры слова: первые не меняются от пересказа иными словами, вторые меняются. К фигурам слова М. Л. Гаспаров причисляет фигуры переосмысления — тропы: метафору, метонимию, синекдоху, иронию, гиперболу, перифразу [6]. В. П. Григорьев, обобщая результаты исследований, говорит о том, что в стилистике и поэтике тропами называют одну из разновидностей фигур, охватывающую так называемые фигуры переосмысления [7, с. 446]. В. П. Москвин считает понятие «выразительное средство» родовым по отношению к понятию «троп»; ученый констатирует, что существует четыре понимания термина «троп» (узкое и три варианта широкого), отмечая разнообразие и противоречивость его применения [8, с. 12].

Тропы как средства выразительности, основанные на совмещении смыслов, Т. В. Матвеева соотносит с фигурами речи, в совокупности с которыми они образуют «фонд специальных средств выразительности речи и текста» [4, с. 498]. Л. В. Рыжкова-Гришина и Е. Н. Гришина полагают, что в основе тропа лежит сравнение, сопоставление двух понятий, которые считаются близкими в каких-то своих признаках, уподобление их друг другу. Исследователи относят к тропам аллегорию, гиперболу, иронию, литоту, метафору, метонимию, оксюморон, олицетворение, перифразу, символ, синекдоху, сравнение, эпитет [9]. А. П. Квятковский, называя тропами «поэтические обороты, употребление слов, фраз и выражений в переносном, образном смысле», причисляет к ним метафору, метонимию, синекдоху, симфору, гиперболу, иронию, литоту, отчасти эпитет, аллегорию, перифраз [10, с. 312].

Отмечая, что троп ориентирован на второй план, выступающий за буквальное значение, Т. В. Жеребило называет им: 1) слово или оборот речи, употребленные в публицистическом или художественном тексте в переносном смысле для создания выразительности, экспрессивности; 2) любую языковую единицу, применяемую в художественном, публицистическом тексте, имеющую смещенное значение (метафора, метонимия, эпитет) [1, с. 420].

В настоящее время изучение особенностей художественно-изобразительных средств характеризуется многоплановостью материала и аспектов анализа. Интересным видится, например, обращение в диссертации О. Д. Колесниковой к изобразительным средствам языка телевизионных новостей как фактору коммуникативного воздействия на коллективную языковую личность. Говоря о доминировании изобразительной функции за счет значительного количества слов с переносными значениями, автор диссертации отмечает максимальную концентрацию ярких образов, экспрессивных стилистических средств (метафоры, стилистические фигуры и т. д.) в репортажах [11, с. 27–28].

Среди множества работ преобладают исследования, направленные на рассмотрение метафоры, что, с нашей точки зрения, вполне объяснимо: метафорические обороты наиболее востребованы как в художественных произведениях, так и в иных текстах.

Этот троп стал предметом исследования представителей различных научных дисциплин: языкознания, литературоведения, психологии, психолингвистики и других, каждая из которых выделяет свой аспект рассмотрения метафоры. П. Н. Барышников отмечает, что на современном этапе развития теоретических подходов к метафоре «как междисциплинарному объекту исследования наметилась тенденция деуниверсализации» [12, с. 17].

Современные литературоведческие и лингвистические исследования метафоры основываются на учении Аристотеля, считавшего метафорой перенесение необычного имени (с рода на вид или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии) [13, с. 109]. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, метафора возникает при сопоставлении объектов и отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он входит, а включает его в категорию, к которой он и может быть отнесен на рациональном основании [14, с. 234].

Т. В. Жеребило метафорой называет перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства, выделяет три группы метафор с точки зрения стилистической окраски и использования в языке: утратившие образность; сохраняющие в языке образность; авторские, индивидуально-стилистические метафоры [1, с. 192].

С точки зрения американских исследователей Дж. Лаккоффа и М. Джонсона, метафора обычно рассматривается как собственно языковая характеристика, связанная скорее со словами, чем с мышлением и деятельностью [15, с. 25]. В монографии В. П. Москвина представлена комплексная характеристика метафоры; ученый приводит подробную классификацию метафор по семантическому, формальному, функциональному принципу [8].

Как считает С. Н. Бройтман, в метафорических тропах признаки одного предмета переносятся на другой на основании какого-либо сходства, чистая метафора — одночленна: в ней присутствует лишь объект сравнения, но опущен его субъект, что «делает метафору недосказанной и загадочной, в ней один смысл просвечивает через другой» [16, с. 276].

Сопоставлению метафоры и сравнения посвящена работа З. Ю. Петровой, отмечающей, что «связь метафор и сравнений с семантическими категориями, семантическими полями влечет за собой вывод о группировке их в определенные классы в зависимости от семантических полей, к которым принадлежат их элементы — предметы и образы сравнения»; а это позволяет говорить о «системе семантических типов метафор и сравнений и о структуре конкретных образных полей» [17, с. 271]. Метафоры из источниковой сферы «Неживая природа» в идиостиле А. Солженицына рассматривает на материале публицистических произведений писателя С. В. Цынк. Подводя итоги изыскания, исследователь обращает внимание на своеобразие метафорики публициста как яркой черты идиостиля, что «проявляется в форме реализации универсальных механизмов метафорической модели: образный компонент высказывания опирается на идею движения, что, вероятно, связано с особенностью авторского восприятия жизни» [18, с. 77].

Современные исследования метафоры достаточно разноречивы: изучают метафору военную (Н. В. Федотова), рассматривают метафоризацию гастрономических процессов (Н. А. Живаго), анализируют ключевые метафоры экономики (О. П. Матиенко), «каскад» метафор и мультимодальную метафору в научном дискурсе (Л. А. Манерко). Метафору исследуют, разумеется, и на материале художественных произведений писателей разных исторических эпох.

Таким образом, обращение к художественно-образительным средствам поэтических текстов как неотъемлемой части идиолекта Михаила Матусовского обусловлено современными тенденциями исследования в рамках лингвистической поэтики, исследующей идиостиль писателей.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Поэтические тексты Михаила Матусовского характеризуются использованием различных художественно-образительных средств, наиболее распространенным из

которых является **метафора**. Для анализа этого тропа в поэтических текстах писателя воспользуемся предложенной Т. В. Матвеевой классификацией структурных типов метафор: именные, глагольные [4, с. 207]; в качестве семантических синонимов будем использовать понятия «метафора», «метафорический оборот».

Наиболее часто используемым типом **именных метафор**, созданных поэтом, являются **генитивные**, где собственно метафора заключена в главном слове, а зависимое слово в форме родительного падежа создает необходимый контекст.

В «Балладе о возвращении» метафорические обороты строятся на образных цепочках: *выверенный* (без погрешностей) *компас*, позволяющий не сбиться с правильного пути, — *сердце* как средоточие верности в любви к Родине (ср.: *любить всем сердцем*) — **компас выверенных сердец** и *азимут* как угол, отсчитываемый между направлением на какой-либо объект и направлением на заданный предмет, — *любовь* как чувство глубокой привязанности к Родине — **азимут любви**: *Была столбами прожекторов / Полночь ослеплена. / Гремела из всех калибров своих / Отечественная война. / Но мы находили к Родине путь — / Попробуй останови — / По компасу выверенных сердец, / По азимуту любви* [Т. 1, с. 69].

К стихам «В городе Пушкине» как эпиграф поэт приводит слова: *В городе Пушкине во время оккупации памятник поэту служил мишенью для гитлеровских солдат*. Генитивная метафора **взвод дантесов** содержит аллюзию на дуэль Пушкина и Дантеса, жертвой которой стал великий поэт, *взвод солдат целится как Дантес, дантесы* — синоним слова *убийцы*, а метафорический оборот **взвод дантесов** содержит яркий экспрессивный компонент, который в значительной степени обуславливают обстоятельства реальной жизни: *Как будто воск сгоревшей свечки, / По берегам оплывший лед. / И так же, как на Черной речке, — / Над ним все тот же небосвод <...> // Чуть лиловеет кромка леса, / За нею — больше ничего. / И только целый взвод дантесов / Спокойно целится в него* [Т. 1, с. 399].

Еще одну группу метафор составляют **адъективные метафоры** (метафорические эпитеты). К ним будем относить обороты, метафора в которых «содержится в определении при определяемом существительном в прямом значении, создающем разъяснительный контекст» [4, с. 207], а метафоризация происходит в среде признаков слов.

К этой группе причисляем метафорические обороты, в которых стилистическая значимость их возникает в сочетании адъективных и генитивных метафор (**горячее золото чая, свалка давно уцененных истин**). Без такого сочетания теряется собственно выразительность оборотов (ср.: **звон молний, острый звон и молний острый звон; голая правда, правда солдатских могил и голая правда солдатских могил**).

В стихотворении «Разговор с профессором» адъективные метафоры **глухие** (перен. пустынные, безлюдные) **кратеры**; **мертвый** (перен. бесплодный, пустынный) **мир**; **холодные** (не излучающие тепла, безжизненные) **тела** служат для создания наиболее яркого, эмоционально окрашенного образа космического пространства: *...Вам все не спит*

ся, вам видны / Глухие кратеры луны, / И мертвый мир холодных тел / В квартиру вашу залетел [Т. 1, с. 17]. В метафорических эпитетах **стеклянные звезды**, **острый звон** указан признак вспомогательного субъекта, но нет прямой отсылки к объекту сравнения (звезды внешне *хрупкие*, как *стекло*, звона *режущий звук*), они использованы для усиления художественной выразительности: *Вот стало холодно. Стекло / Кристальным льдом заволокло. / Вот потемнело. Сквозь мороз / Я слышу треск стеклянных звезд. / Багровых молний острый звон. / Пространство черное, как сон* [Т. 1, с. 17].

Глагол является основанием для отображения образного видения какого-то факта реальности. Разнообразие глагольных метафор связано с тем, что глагол «предназначен для номинации не отдельных действий (процессов, состояний), но целостной ситуации» [19, с. 79]. Обычно глагольную метафору отождествляют с олицетворением, однако стоит отметить, что метафоричность глагола не всегда связана с перенесением качеств (способностей к действию) с одушевленных предметов на неодушевленные. Примеры глагольной метафоры, не являющейся олицетворением в общепринятом понимании, находим в поэзии М. Матусовского. Метафора в стихотворении «Запись в судовом журнале» построена на сочетании деепричастия *отмечая* 'обозначая с помощью чего-либо', требующего существительного с конкретным значением (например, *отмечая карандашом*) и существительного *сердцем*, образность которого связана с пониманием *сердца* как инструмента, посредством которого происходит мировосприятие (ср. *всем сердцем чувствовать, сердцем почувствовать опасность* и др.): *Даже на суше я чувствовать буду / Это соленое жжение, / Сердцем своим отмечая повсюду / Время, пространство, движение* [Т. 1, с. 251]. Этот вид метафоры является «наиболее продуктивным способом художественно-эстетической интерпретации динамических признаков» [20, с. 184] и позволяет придать максимальную выразительность характеристике эмоционального состояния лирического героя.

В поэтическом тексте зачастую наблюдаем сочетание метафор разной структуры, когда метафорический образ строится на образности слов разной частеречной принадлежности. Такие метафоры, сочетающиеся в одном контексте, будем называть полиструктурными.

Отглагольная метафора **отряхнув с себя земную власть** в стихах «Огненная трасса пулемета...» опирается на сочетание глагольной формы *отряхнув*, производной от глагола *отряхнуть* 'ударяя, похлопывая по чему-либо, удалить что-либо: пыль, крошки и т. п.' (узуально сочетающегося с существительными с конкретным значением), с существительным *власть*, обладающим категорией абстрактности и употребленным в генитивной метафоре **власть земли** (притяжение земли — сила притяжения — власть земли). В стихотворении метафорический оборот служит для создания яркого образа военного летчика: *Огненная трасса пулемета / С треском пробежала по стеклу. / Ранили военного пилота / Далеко во вражеском тылу <...> // Вопреки законам притяженья, / Отряхнув с себя земную власть, / Он упрямо продолжал движение, / Не желая сдаться и упасть* [Т. 1, с. 105].

В поэме «Голоса Равенсбрюка» находим метафорический образ **ледяные зрачки**: гитлеровцы, вооруженные парабеллумами, — ледяное ('холодное') безразличие гитлеровцев к жертвам — выражение безразличия в зрачках 'глазах' — **ледяные зрачки (парабеллумов)**. Адъективная метафора включена в глагольную (люди целятся в сердце — люди вооружены парабеллумами — парабеллумы целятся), ее дополняет синекдоха: форма единственного числа имени существительного **сердце** употреблена вместо формы множественного числа **сердца́**. Метафорический оборот служит для усиления экспрессивности повествования: *Парабеллумы целятся в сердце, / Ледяными зрачками грозя. / И от этого не отвертеться, / И уйти от ответа нельзя* [Т. 1, с. 368].

Как видим, каждая из созданных поэтом метафор выступает в роли одного из ключевых средств выразительности, а их совокупность «может быть представлена как цельная художественно-образная метафора, которая характеризует специфику мировидения автора» [21, с. 7], репрезентирует поэтический идиостиль М. Матусовского.

Олицетворение исследователи называют одним из тропов (Ю. А. Бельчиков, Л. В. Рыжкова-Гришина, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова), семантической разновидностью метафоры (Т. В. Матвеева), особым видом метафоры (Ю. А. Бельчиков), разновидностью метафоры (С. Н. Бройтман), стилистической фигурой (А. П. Квятковский).

Рассматривая олицетворение как художественно-изобразительное средство поэзии М. Матусовского, будем называть им прием стилистический, состоящий в том, «что неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, живому существу, не наделенному сознанием, приписываются свойства, действия, поступки, присущие человеку...» [22, с. 285]. Вслед за другими учеными, как семантические синонимы будем использовать понятия «олицетворение», «персонификация».

Большинство олицетворений в произведениях М. Матусовского являются неразвернутыми, реализуются в пределах одного-двух предложений. Для систематизации многочисленных (отобрано более 80) примеров использования персонификации мы разделили их на несколько групп (всего их 16), учитывая объекты олицетворения; среди которых:

– различные виды растений (сосна, тополь, липа, верба, береза, их совокупность): *Вспомнив прошлое, меж собой / Сосны шепчутся в полудреме* [Т. 1, с. 300]; *Опять я был в Полтавском переулке, / Где липы помнят маленьким меня. // Они стерпели все бои и вьюги, / Поникише под тяжестью ветвей...* [Т. 1, с. 123];

– природные (стихийные) явления (огонь, дождь, ветер, гроза): *Все сразу понять и запомнить / И все воедино связать / При помощи яростных молний / Пыталась ночная гроза* [Т. 1, с. 423]; *...дождь идет, хитро, по-лисьи рыща в сводах Ярославова дворища* [Т. 1, с. 433] — в последнем примере, помимо олицетворения, поэт использует довольно редко применяемую форму сравнения, выраженную наречием образа действия;

– транспортные средства: *Опять с сыновней нежностью сквозь слезы / Я различал свой город на холме / В тот час, когда ночные паровозы / Друг друга окликают*

в полутьме [Т. 1, с. 123]; *Взрыхляя волны за собой, / Насколько видно глазу, / Проходит «Новиков-Прибой»* (теплоход. — Т. Д.) [Т. 1, с. 165].

В отдельную группу выделяем **развернутые олицетворения**, на основании которых строится изображение целостной картины. Объектом персонификации является, например, название минерала (помимо основного олицетворения, служащего для создания образа, находим и другие: **языческие боги спят, опершись пятою на курган; сказки ящериц; сказания змеи**): *Там, где спят языческие боги, / Опершись пятою на курган, / Врезался в песчаный край дороги / Серо-бурый камень колчедан. // Не меняя дымчатой окраски, / Слушает он будто в забыты / Ящериц затейливые сказки, / Мудрые сказания змеи. // Что за свет ему ночами мнится, / Что за бред его тревожит днем? / Хищный кричит на него садится, / Юркий суслик греется на нем. // Он влюблен в степную бесконечность, / В кочевых костров неверный дым. / И ему отсюда даже вечность / Кажется мгновением одним <...> // Все вокруг кустарники и травы / Знает он давно наперечет. / Перед ним рекою величавой / Знойный шлях медлительно течет. / Так он дремлет, смутно вспоминая / Сон иль явь, легенду или быль...* [Т. 1, с. 124].

Одним из тропов, активно используемых в поэтических текстах, является **метонимия**, своего рода «замена одного слова или выражения другим на основе близости значений, сходстве двух предметов, понятий, явлений» [9, с. 137]. При этом замена происходит не благодаря сходству сопоставляемых объектов, а из-за тесной их связи, отраженной в нашем сознании. Исследователи предлагают разные классификации метонимических переносов. Так, А. П. Квятковский в «Поэтическом словаре» выделяет четыре типа переноса, видом метонимии названа в словаре синекдоха (упоминания количества) [10, с. 158–159, 265]; А. Бирих говорит о шести типах переосмысления [23, с. 31]; Н. Д. Арутюнова указывает 12 типов переноса [24, с. 237].

Рассматривая **метонимические обороты** в поэзии М. Матусовского, мы выделяем такие группы переносов:

1) различных видов топонимов на совокупность их жителей:

– кратонима: *И так спокоен был Тунис, / Как теплоход, стоящий в доке, / Как стая задремавших птиц, / Как ящерица на припеке. // Апрельский ветер дул в окно. / Никто не думал здесь о смерти* [Т. 1, с. 238];

– хоронима: *Опять я был на родине в Донбассе, / Где дни всегда в работе коротки, / Где ночью у строителей на трассе / Мигают путевые огоньки. // Опять его привычки и законы, / Как в детстве, были властны надо мной, / И царственно дымилась терриконы, / И в доме пахло горечью степной* [Т. 1, с. 123].

Самый распространенный объект переноса в этой группе метонимических оборотов — родовое понятие **город**: *Спят соборы. Город спит. / Лишь порой подобно грому / По булыжнику сырому / Раздается дробь копыт* [Т. 1, с. 149]; *Дремлет притихший северный город. / Низкое небо над головой* [Т. 1, с. 544];

2) названия места нахождения человека на самого человека:

– части строения: *Все двери настезь улица открыла. / Все окна смотрят на меня в упор. / И на мостах чугунные перила / Еще гудят от взрывов до сих пор* [Т. 1, с. 111];

– строения как временного пребывания людей: *Вместе с ним в нетопленной больнице / Пол-России хворало сыпняком. // Смертным бредом бредила больница...* [Т. 1, с. 35];

– объединения людей по профессии: *Как дом, от полов до стропил / Охваченный пламенем сразу, / Оркестр, обзвумев, вопил / Одну музыкальную фразу* [Т. 1, с. 95];

3) формы материального воплощения на ее содержание: *Белой акации грозди душистые / Ночь напролет нас сводили с ума* [Т. 1, с. 601]. Полагаем, что в эту группу метонимических переносов следует включить и оборот **суп из моря**, где под морем понимаются морепродукты (обитатели моря): *И путаница тесных переулков, / Куда войти легко, а выйти трудно. / И полумрак таинственных лавочек, / Где запросто готовят суп из моря...* [Т. 1, с. 291];

4) наименования материала на изделия из него: *То цоколь / Напомнить спешит о былом. / То грянет / Вовсю колокольная медь, / То встанет / Под самое небо мечеть* [Т. 1, с. 366]; *И партнерши в ситчиках примятых, / Прижимаясь к ним на вираже, / Их волнуют душистым ароматом / Массовой продукции ТЭЖЭ* [Т. 1, с. 466];

5) причины произошедшего на следствие, например: орудийный выстрел — облако дыма от него: *Ночь закончилась, и над нами / Начинается новый бой / Орудийными облаками / Над предугроенную землей* [Т. 1, с. 57];

6) имени автора на произведение, изобретение определенного стиля, вида, типа: *Сырая ночь над миром залегла / От Яжелбиц до самого Валдая. / Висит в землянке кожаный реглан, / Хозяина напрасно ожидая* [Т. 1, с. 86], *реглан* — плащ фасона, введенного английским генералом Регланом в середине XIX в. [25, с. 1111]; *Послушный руке хозяина, / Судьбою их озабоченный, / Гварнери кричит отчаянно, / Как раненый у обочины. // Сверкает поверхность лаковая, / Смычок, растерявшись, мечется — / Как будто бы впрямь оплакивая / Погибшее человечество* [Т. 1, с. 293], *Гварнери* — династия итальянских мастеров струнных смычковых инструментов [26], полагаем, что в данном случае *Гварнери* 'скрипка';

7) имени собственного произведения на его исполнителя: *Танцплощадка допоздна открыта. / В спелых звездах южный небосвод. / И на полный голос Рио-Рита / Что-то иностранное поет* [Т. 1, с. 466], *Рио-Рита* — сокращенное название популярного в 1930-х гг. танца (пасодобль «Для тебя, Рио-Рита»), известного советскому слушателю с французским текстом. Мелодия стала одним из символов предвоенной эпохи [27];

8) упоминание признака вместо имени лица, «ситуативная номинация» (Н. Д. Арутюнова): в стихотворении «Гомер» М. Матусовский в тексте лишь одним признаком указывает на античного поэта: *Вошел кузнец. И молния косая / Запуталась в немой бороде. / Рукой по серебру провел, едва касаясь, / И фартук латаный на голый торс надел. // Казавшись от зарниц еще чудесней, / Он плавящие звезды в клещи брап. / Слепой старик в сво-*

ей тягучей песне / О нем уже с три короба наврал [Т. 1, с. 57].

Одна из разновидностей метонимии — **синекдоха**, которая касается количественных отношений между обозначаемыми предметами, не затрагивая качественных, и представляет собой «простейшую разновидность метонимии» [28, с. 464]. По мнению А. Бириха, «семантические различия метонимии и синекдохи обусловлены различиями денотативными, т. е. различиями в самих реалиях, названия которых переносятся. Переносы типа синекдоха отмечаются преимущественно у названий таких смежных реалий, части которых являются неотъемлемым компонентом этого целого» [23, с. 13]. В поэтических текстах М. Матусовского мы находим такие формы синекдохи:

1) использование названия части предмета вместо целого, что является самым частым из проанализированного материала: *Идут с сигаретами в желтых зубах / Охранников сытые рожу — / С годами они на служебных собак / Становятся сами похожи* [Т. 1, с. 430], перенос использован для придания речи эмоциональной выразительности; *И вам всегда помогут в нелегкую минуту / Наши верные руки и добрые сердца* [Т. 1, с. 589] (помогут наши руки и сердца — мы поможем), синекдоха служит для придания образной выразительности; *За окном идет дорога, при дороге столб забит. / Здесь под вывеской железной жил фотограф-инвалид* [Т. 1, с. 32] (жил под вывеской железной — жил в доме, на котором была железная вывеска), синекдоха служит для «экономии речевого выражения» (Т. В. Матвеева);

2) использование названия целого предмета вместо его части: *Потому и запомнилось мне навсегда, / Как стреляет костер, озаряя округу, / Как спускаются с гор к водопоям стада, / Как животные спят, прижимаясь друг к другу* [Т. 1, с. 181], — костром называют контролируемый огонь, разведенный на открытом воздухе; он представляет собой совокупность различных горящих материалов (дров, хвороста и др.), сложенных особым образом, собственно, при сгорании этих материалов и возникает звук, схожий со стрельбой. По нашему мнению, к метафорическому обороту здесь добавляется метафора, основанная на сравнении: костер издает звук, похожий на стрельбу, — костер стреляет. Образный перенос использован для лаконизма при

создании выразительности (*костер стреляет* — вместо, например, *дрова и хворост стреляют в костре*);

3) использование определенного большого числа вместо неопределенного множества: *Так и лежат они к югу от Ильмена, / В тысячах верст от друзей и родных. / Каждого знает здесь Маша по имени, / Может поведать о каждом из них* [Т. 1, с. 494]; *И щедрость, с какой ты теряешь и тратишь, / И этот чуть видный пушок над губой. / И это сто раз перешитое платье, / Что сделает честь королеве любой* [Т. 1, с. 449], — такие формы синекдохи служат для придания речи наибольшей выразительности;

4) использование химической формулы вещества вместо названия: *Вы видели, как умирает шахта? Сначала появляется вода. / Она течет неведомо откуда, она спешит неведомо куда <...> / Вычерпывая море чайной ложкой, ругая H₂O на все лады, / Как в день второй от сотворенья мира, мы отделяли сушу от воды* [Т. 1, с. 131], перенос позволяет поэту избежать повторов. Кроме синекдохи, автор создает атрибутивный метафорический образ *вычерпывая море чайной ложкой*, основанный на сравнении-гиперболе: бороться с водой также трудно, как вычерпывать море чайной ложкой, так возникает «гибридная форма тропа» (Т. В. Матвеева).

Заключение (Conclusion)

Таким образом, разнообразие художественно-изобразительных средств, нашедших отражение в идиолекте Михаила Матусовского, свидетельствует о высоком поэтическом профессионализме писателя, который мастерски синтезирует различные художественно-изобразительные средства, создает многокомпонентные тропы, являющиеся «наиболее важными средствами визуальной репрезентации познания мира, главным образом, за счет обогащения художественного текста новыми смысловыми и содержательными оттенками» [29, с. 229]. Проанализированные изобразительные средства использованы для придания выразительности повествованию, речи лирического героя, описаниям персонажей, событий. Дальнейшие исследования образных средств поэзии Михаила Матусовского, на наш взгляд, позволят проанализировать другие тропы и стилистические фигуры, их структуру и функции в произведениях писателя.

Источники

Т. 1 — Матусовский М. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения, поэмы, песни. М. : Художественная литература, 1982. 639 с.

Библиографический список

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
2. Виноградов В. А. Идиолект // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 144–145.
3. Григорьев В. П. Идиолект // Литературный энциклопедический словарь (под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева). М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 114.
4. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
5. Кормилов С. И. Тропы // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. Стб. 1099–1100.
6. Гаспаров М. Л. Фигуры стилистические // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2001. Стб. 1140.

7. Григорьев В. П. Тропы // Литературный энциклопедический словарь (под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева). М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 446–447.
8. Москвин В. П. Русская метафора: Опыт семиотического описания. 5-е изд. М. : Ленанд, 2019. 352 с.
9. Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Художественные средства. Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи : слов. М. : Флинта, 2020. 337 с.
10. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.
11. Колесникова О. Д. Изобразительно-выразительные средства языка региональных телевизионных новостей как фактор коммуникативного воздействия на коллективную языковую личность (на примере Республики Хакасия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2021. 29 с.
12. Барышников П. Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб. : Алетейя, 2010. 216 с.
13. Аристотель. Об искусстве поэзии / пер. с древнегреч. В. Г. Аппельрота ; ред. пер. и коммент. Ф. А. Петровского. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. 184 с.
14. Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 233–236.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
16. Бройтман С. Н. Тропы // Поэтика : слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. С. 275–276.
17. Петрова З. Ю. Метафоры и сравнения: формальные способы выражения отношения сходства // Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 4 (14). С. 270–282.
18. Цынк С. В. Метафоры из источниковой сферы «Неживая природа» в идиостиле А. И. Солженицына (на материале публицистических произведений) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : Русская филология. 2019. № 4. С. 67–81. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-67-81
19. Гажева И. Д. Структурно-семантические типы глагольной метафоры А. Белого (на материале «Симфоний») // Культура народов Причерноморья. 2003. № 44. С. 79–82.
20. Лавер О. Граматичні типи метафори в поезії П. Скунця // Наук. вісн. Ужгород. ун-ту. Сер. : Філологія. 2022. Вип. 1 (47). С. 180–186.
21. Чересюк П. А. Метафора в художественной прозе Л. Н. Толстого: лингвокреативный и прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2022. 24 с.
22. Бельчиков Ю. А. Олицетворение // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 285.
23. Бирих А. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты). München : Verlag Otto Sagner, 1995. 191 с.
24. Арутюнова Н. Д. Метонимия // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 236–238.
25. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
26. Большая российская энциклопедия : [сайт]. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 20.12.2022).
27. Значение слова рио-рита. URL: <https://поискслов.рф/wd/рио-рита> (дата обращения: 20.12.2022).
28. Василевская Л. И. Синекдоха // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. С. 464–465.
29. Шлег А. У. Роля простих тропаў у паэзіі Змітрака Марозава // Содружество наук. Барановичи-2019 : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Барановичи : Баранович. гос. ун-т, 2019. Ч. 2. С. 229–230.